

гогам, как Нина Ивановна, оставалась вера, что любые трудности преодолимы, нужно действительно только попробовать еще раз.

Будучи в весьма уважаемом возрасте (в 2016 году праздновался столетний юбилей!), Нина Ивановна занималась дома, за небольшим стареньким двухмануальным органом. Говорила всегда мало, чаще сама садилась за инструмент и показывала, как должен звучать тот или иной фрагмент. «Вот эту фразу сыграйте с такой артикуляцией, а следующую — по-другому...» Как именно — остается на усмотрение студента, даже если он только-только научился попадать в ноты на органной педали «не глядя». Никаких жестких требований — только тактичные поправки, если ученик не разобрался, как лучше распределить голоса между руками или на какой клавиатуре играть следующий эпизод. Все остальное студент должен делать сам. А главное — услышать внутри себя и полюбить то произведение, которое играет... Единственное, что всегда вносилось в ноты

рукой Нины Ивановны полностью, — это регистравка, приспособленная под орган в классе № 37 старого здания консерватории. За полтора года мы прошли несколько хоралов И. С. Баха, части из его трио-сонат, Токкату и фугу ре минор, отдельные произведения Д. Букстехуде и И. Пахельбеля, Хорал ля минор С. Франка, пьесы французских композиторов XIX века. Также довольно много читали с листа — например, номера из *Fiori musicali* Дж. Фрескобальди, — чтобы не только выучить программу к зачету или экзамену, но и познакомиться с разной по стилю и технике музыкой прямо за инструментом.

Занятия с Ниной Ивановной остаются для меня одним из самых светлых воспоминаний студенческих времен. А музыкальная память о ней продолжается в выступлениях ее учеников, в самом звучании органной музыки, в историю которой навечно вписано ее имя — имя человека, написавшего свой жизненный путь в виде стройной и гармоничной органной симфонии.

27 февраля 2017 года на 86 году ушел из жизни Народный артист России, профессор, заведующий кафедрой виолончели, контрабаса, арфы и квартета Санкт-Петербургской консерватории **Анатолий Павлович НИКИТИН**

Alexey VASILYEV For the rest of life...

Alexey Vasilyev, the Rector of the St. Petersburg Conservatory, cellist, conductor and pedagogue, recalls the period of studying at the class of Professor Anatoly Nikitin, the People's Artist of RSFSR (1931–2017).

Keywords: A. P. Nikitin, A. N. Vasilyev, the Leningrad (St. Petersburg) Conservatory, Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, D. D. Shostakovich, Y. Kh. Temirkanov, M. L. Rostropovich, S. P. Roldugin, A. Z. Massarsky, L. E. Gorokhov.

Алексей ВАСИЛЬЕВ На всю оставшуюся жизнь...

О годах учебы, проведенных в классе Народного артиста РСФСР, профессора Анатолия Павловича Никитина (1931–2017), рассказывает ректор Санкт-Петербургской консерватории, виолончелист, дирижер и педагог Алексей Николаевич Васильев.

Ключевые слова: А. П. Никитин, А. Н. Васильев, Ленинградская (Санкт-Петербургская) консерватория, школа-десятилетка Ленинградской консерватории, Д. Д. Шостакович, Е. А. Мравинский, Ю. Х. Темирканов, М. Л. Ростропович, С. П. Ролдугин, А. З. Массарский, Л. Е. Горохов.

В школе-десятилетке я учился не у Анатолия Павловича Никитина, а у Сергея Павловича Ролдугина. Он в то время начинал преподавательскую деятельность и был ассистентом Анатолия Павловича, помогал ему в работе его класса. Помню, что на тот момент у Сергея

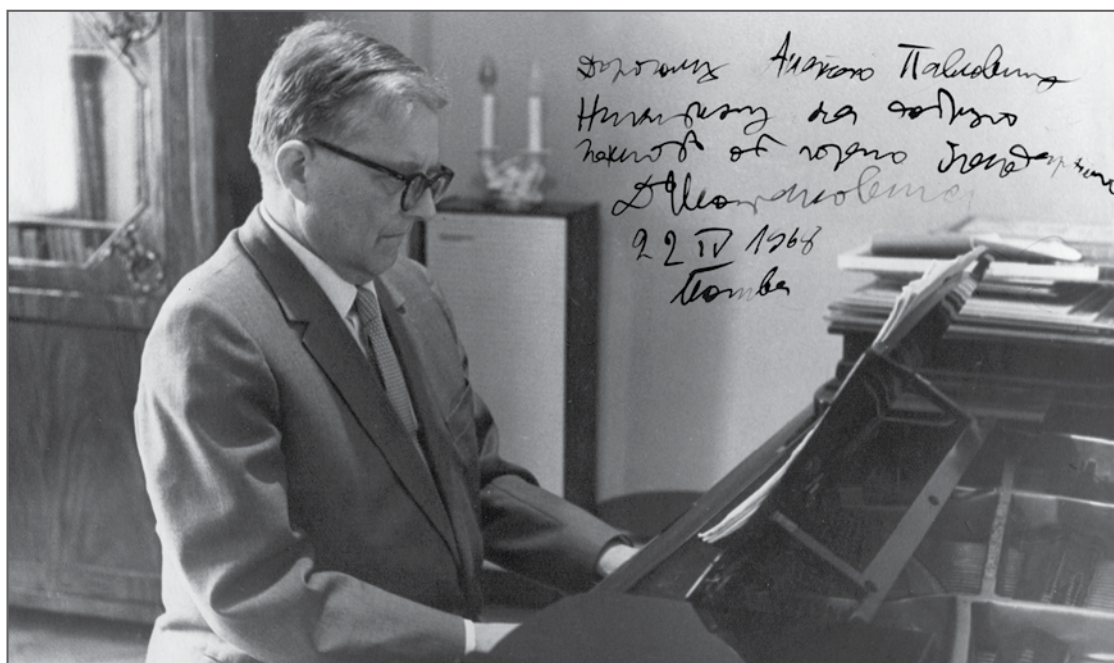
Павловича было всего три ученика — я, Олег Гальперин и Дмитрий Самохвалов. Анатолий Павлович, поскольку был профессором, не брал в класс детей: подразумевалось, что сначала они учатся в школе у других педагогов, а наиболее подготовленные примерно с 8–9 класса уже

На всю оставшуюся жизнь...

попадают к профессору. Мне же посчастливилось оказаться у него только на первом курсе консерватории, потому что я искал себя и уезжал на некоторое время учиться в Москву. Наш класс был необычайно ярким, в нем учились такие люди, как Витас Сондецкис, Михаил Буровик, годом старше — Кирилл Кравцов, который потом создал очень известный ансамбль из четырех виолончелей — Rastrelli Cello Quartet. В то время в классе еще занимался Алеша Массарский, ныне — профессор нашей консерватории Алексей Зиновьевич Массарский. Он был для всех нас примером для подражания. Класс Никитина, действительно, представлял собой такое созвездие, что нам, новичкам, поначалу даже было неловко, что живая звезда, состоявшийся солист-виолончелист Леня Горохов (он учился у Анатолия Павловича в аспирантуре), ходит рядом с нами. В то время Леонид уже был лауреатом первых премий и обладателем гран-при конкурсов в Париже и Женеве. Или, например, заходишь в класс, а там занимается Алеша Массарский. Каждый урок с ним превращался в концерт, Анатолий Павлович ему уже и замечаний почти не делал, когда шла подготовка к очередному конкурсу. Помню, как в 1990 году мы с виолончелистом Василием Поповым пришли вместе из училища (я доучивался в училище имени Н. А. Римского-Корсакова по возвращении из Москвы) на консультацию перед поступлением в консерваторию, а там Массарский просто потрясающе играет Шестую сонату Боккерини ля мажор. Мы буквально замерли, нам казалось, что он играет феерически, но Анатолий Павлович все равно нашел, над чем еще можно поработать! В результате Массарский стал лауреатом конкурса имени П. И. Чайковского, а мы поступили в консерваторию и оказались в классе Анатолия Павловича.

Творческая судьба Анатолия Павловича связана с главными личностями в российской культуре. Ему довелось общаться с Дмитрием Шостаковичем, Мстиславом Ростроповичем — он часто рассказывал об этом. Анатолий Павлович работал в оркестре у Евгения Мравинского, позже — с Юрием Темиркановым. Но Темирканов — все-таки наш современник, а те фигуры для меня, родившегося в 1971 году, являются просто легендарными. Ведь Шостакович находится в ряду портретов на стене вместе с Бахом, Моцартом, Чайковским... А Анатолий

Фотография Д. Д. Шостаковича с дарственной надписью А. П. Никитину: «Дорогому Анатолию Павловичу Никитину на добрую память от горячо благодарного Д. Шостаковича. 22.IV.1968 Москва»

С. П. Ролдугин и А. Васильев

Павлович с ним общался, исполнял виолончельное соло на премьере Пятнадцатой симфонии. Анатолий Павлович рассказывал, что Шостакович был очень скромным человеком, и когда он слушал свои произведения, готовящиеся к премьере Заслуженным коллективом России во главе с Мравинским, его присутствие в зале было почти неощутимо. Скромность Шостаковича доходила до того, что он как будто испытывал неловкость, когда при нем исполнялась его собственная музыка, и это казалось мне необыкновенным.

Поэтому, когда просят вспомнить какой-нибудь случай или историю, связанные с Анатолием Павловичем, тут нужно либо пересказывать всю его жизнь, либо выдергивать отдельные события, что тоже практически невозможно.

Вспоминается любимая байка из уст Анатолия Павловича об одном из студентов его класса, который, будучи весьма приличным виолончелистом, но не очень сильным в других предметах, пришел сдавать методику исполнительства. Анатолий Павлович пришел на экзамен на всякий случай, чтобы поддержать, если вдруг что-то пойдет не так. Студент вытащил билет и за время экзамена успел только прочитать номер билета и перечисленные в нем вопросы, а потом просто сидел и молчал. Когда студент вышел из класса, повисла тяжелая тишина — предвестник бури, и тут Анатолий Павлович сказал: «Мне кажется, что чистой „пять“ будет многовато для этого выступления...» Благодаря этой разрядке, студент все-таки экзамен сдал. Анатолию Павловичу всегда удавалось подобрать нужное слово и вовремя изменить непростую ситуацию к лучшему. Фраза про «чистую пять» стала крылатой. Она используется и по сей день, когда возникают подобные моменты.

По поводу прославленного ансамбля виолончелистов класса А. П. Никитина вспоминается немало. Я начал играть в нем с первого курса консерватории, с самого последнего басового голоса: сразу же нам, новичкам, дали партии и обязали выучить. Ансамбль виолончелистов был живым организмом и не только школой профессионального мастерства, но и школой жизни, мужества. Его участников связывали дружеские отношения, не лишённые тем не менее здоровой конкуренции. Анатолий Павлович очень хорошо умел собрать людей вокруг себя, сплотить их общей целью и заставить выдавать максимально эффективный результат. Пожалуй, именно в ансамбле виолончелистов эти его качества наиболее ярко воплотились. В разные годы там играли разные люди, но успех был неизменным. Количество участников варьировалось, но основным числом было двенадцать, и любое интервью об ансамбле Анатолий Павлович начинал словами «Вообще, нас двенадцать...»; он считал, что это оптимальное для звучания число исполнителей. Кроме переложений классики ансамбль исполнял произведения, специально для него написанные и ему посвященные, например, Экспромт Соколова, в котором было десять партий-голосов. В «Гимне» Давыдова, который мы тоже исполняли, двенадцать голосов. Ансамбль виолончелистов — вообще, страшная штука с точки зрения гастрольных поездок, а точнее, билетов. При авиаперелетах сдавать виолончель в багаж рука не поднимается, а значит, на нее нужно покупать отдельный билет. Если виолончелистов десять, значит, билетов двадцать. Мало кто отваживался на подобные финансовые вложения.

Анатолий Павлович часто говорил нам следующее: «Каждый может облажаться». Эта фраза звучала спокойно. Но вслед за ней другим тоном произносилось: «Незаменимых нет». И на сочетании двух этих посылов ансамбль виолончелистов существовал всегда. В его организации действовало правило: новобранцы играли нижние голоса, которые считались более простыми. Когда человек заканчивал учиться в консерватории, поступал в аспирантуру, добивался каких-то успехов, то ему доверялось играть сольные партии или выступать в малом составе. Концерт ансамбля всегда строился по принципу разнообразия, чтобы не утомить слушателя. Диапазон у виолончели, по крайней мере, где она может естественно звучать, достаточно ограничен, и поэтому большой ансамбль открывал концерт, играл еще несколько номеров, а потом шли маленькие ансамбли. Считалось престижным получить право сольного выхода в виолончельном дуэте, трио или квартете, когда не игравшие музыканты оставались на сцене и внимательно слушали коллег. Первый большой выезд ансамбля состоялся в 1992 году в Давос, на фестиваль, где был прямо с концерта записан самый известный компакт-диск. Качество исполнения на нем запредельное, поскольку Анатолий Павлович нас подготовил так, что мы оказались на пике формы. Пару лет спустя, если не ошибаюсь, прошло блестящее выступление на фестивале в Люцерне. Был выезд в Японию, где мы выступали

во всех лучших залах, включая знаменитый Сантори-холл, и везде пользовались большим успехом.

Помимо профессионального общения, много впечатлений оставило и личное общение с Анатолием Павловичем. Его класс был семьей в полном смысле слова, то есть в нем учились люди, которые стали родственниками друг другу за время обучения, и до сих пор мы все как братья в одной большой семье. Я недавно вернулся из Каунаса, где мы с Витасом Сондецкисом играли Двойной концерт Вивальди, — сколько всего мы потом

вспоминали из тех времен, когда были в ансамбле виолончелистов, когда мы учились в консерватории! Между теми, кто учился у Анатолия Павловича в одно время, остается связь на всю оставшуюся жизнь. И главное впечатление от учебы в классе Анатолия Павловича, если подвести итог одной фразой, — это ощущение причастности к чему-то великому, участия в чем-то очень важном, имеющем историческое значение.

*По материалам беседы, проведенной
Д. Ю. Брагинским и Д. А. Варуль*

Памяти учителя

Об А. П. Никитине вспоминают Л. Горохов и Д. Еремин

Леонид ГОРОХОВ

С Анатолием Павловичем я встретился впервые в очень юном возрасте — на его концерте в Малом зале филармонии. Сонату Рахманинова в его исполнении помню до сих пор. Мало было концертов, настолько ярко запечатлевшихся в памяти.

Класс Анатолия Павловича всегда был дружным, и старшие помогали младшим. С. Ролдугин, В. Атапин, М. Лездкан, А. Массарский, О. Гальперин, А. Истомин, С. Словачевский, К. Кравцов, А. Васильев... список мог бы быть очень длинным — ни в коем случае не хочу обидеть тех, кого не упомянул.

Мне трудно выделить какое-то одно, самое сильное профессиональное впечатление тех лет, которые я провел в классе А. П. Никитина. Наверное, это моменты, проведенные на сцене вместе с ансамблем виолончелистов, и особенно игра Профессора — его соло, незабываемые и несравненные по выразительности и красоте звука, изысканности и в то же время непосредственности интонации.

Меняются времена, стили исполнительства, но есть критерии, остающиеся бесспорными во все времена: качество, преданность профессии и любовь к ней, живое отношение к музыке. Это присутствовало всегда на уроках нашего Профессора, подкреплялось его личным примером и помогает мне теперь на сцене и в классе. Очень сложно в нескольких словах выразить то, для чего существуют целые книги. Моя благодарность Анатолию Павловичу за дорогу в профессию безгранична. То, что мне удалось многие годы общаться с человеком редкого дарования, интеллекта, обладающим к тому же неподражаемым чувством юмора, — незабываемо. Огромное влияние Никитина-педагога на всех нас и нашу виолончельную школу бесспорно. И все же главным для меня остается Никитин-артист — один из великих виолончелистов-исполнителей, пусть и менее извест-

ный, чем иные другие; и тем счастливее мы, которым удалось это узнать.

Дмитрий ЕРЕМИН

Об Анатолии Павловиче нельзя сказать коротко: «Хороший был человек и музыкант!» Для этого он был слишком многогранной личностью, самобытный во всем, чего бы ни касался. Виолончелист, звук которого больше, чем звук виолончели. Этот звук имел душу.

Многие его не любили, считали тяжелым человеком. Но минус на плюс — это гармония. Никитин был челове-